

ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ К РАДИКАЛЬНЫМ РЕФОРМАМ: К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ НАЧАЛА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Владимир МАУ

доктор экономических наук, профессор,
ректор РАНХиГС при Президенте РФ

Оікоνομία • Πολίτικα

OIKONOMIA • POLITIKA

Четверть века с начала перестройки и двадцатилетие начала радикальной фазы экономических реформ в России — естественная точка для осмысления полученного тогда опыта. Конечно, каждое поколение будет заново и сквозь призму собственного опыта оценивать и переоценивать события тех лет, серьезность рисков и эффективность (или неэффективность) принимавшихся решений. Естественно также, что взгляды исследователей эпохи, которые были также и активными участниками тех событий, будут существенно отличаться от оценок тех, кто изучал события из исторического далека.

В данной статье автор намерен предложить свое видение событий тех лет, основанное на понимании советской (российской) трансформации как совокупности кризисов и соответственно переплетения нескольких трансформационных процессов.

1. Социально-экономический кризис советской системы и политика перестройки (1980-е годы)

Начало радикального реформирования советской хозяйственной системы приходится на середину 1980-х годов и связано с именем

М. С. Горбачева. Внешним толчком к реформам послужило начавшееся отставание от развитых капиталистических стран, особенно усугубившееся в результате падения цен на нефть после 1986 года. Первоначально предполагалось обеспечить ускорение экономического роста путем структурного маневра — увеличения доли ресурсов, направляемых на инвестиции, прежде всего в машиностроение. Однако вскоре стала очевидна ограниченность такого рода шагов, которые должны были быть дополнены преобразованиями в механизме функционирования экономики. Хотя объемы производства в 1986—1987 годы несколько возросли (по промышленности до 4—5% против 1—2% в предыдущие годы), так и не удалось добиться перелома в эффективности, что определяло неизбежный тупик в случае дальнейшего наращивания инвестиций без внедрения новых стимулов. К тому же начатая в 1985 году антиалкогольная компания привела к дополнительному (помимо падения цен на нефть) сжатию поступающих в госбюджет ресурсов.

Совершенствование экономического механизма, получившее известность как *перестройка*, предполагалось осуществить в логике нэпа и с учетом опыта хозяйственной реформы 1965 года. Ключевой вклад в разработку реформы второй половины 1980-х годов внесли Л. Абалкин, А. Аганбегян, А. Анчишкин, Н. Петраков, С. Шаталин, Е. Ясин и др. Основными элементами экономической политики перестройки стали резкое расширение самостоятельности предприятий, допущение частно-предпринимательской деятельности в форме кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности, что было отражено в ряде нормативных актов 1987—1988 годов. Позднее к перечисленным мерам добавились развитие арендных отношений вплоть до возможности передачи арендованного имущества в частные руки, разгосударствление (приватизация), а также допущение негосударственных форм в финансовом секторе (частные банки). Меры по экономическому реформированию были подкреплены глубокой политической реформой, включавшей гласность (свободу слова), демократизацию, свободные выборы в парламенты всех уровней, отказ от однопартийности. Экономические реформы были невозможны без изменения политической системы, так как, наученные опытом насильственно оборванных попыток развития рыночных отношений в прошлом, советские граждане с сомнением относились к реформаторским идеям в экономической сфере.

Реформа предприятий включала резкое расширение их самостоятельности. Гарантией этого была выборность директорского корпуса трудовым коллективом, таким образом вышестоящие инстанции лишались главного инструмента давления на предприятия. Расширение самостоятельности касалось и формирования системы оплаты труда, что создавало порочный круг расширения потребления за счет накопления: трудовой коллектив избирал директора, который получал полную свободу рук при готовности направлять больше ресурсов на оплату труда. Руководитель предприятия получал фактически все права собственника без ответственности собственника за эффективность

принимаемых решений. В отсутствие частной собственности не было механизма, побуждающего фирмы к инвестированию, при этом возникли мощные стимулы к потреблению (проеданию) ресурсов.

Кооперативы фактически стали частными предприятиями, несмотря на сохранявшуюся трактовку частнопредпринимательской деятельности как нелегальной. В дефицитной экономике они были ориентированы не столько на производство товаров и услуг, сколько на перераспределение товарных и денежных потоков из госсектора в рыночный. Тем более что государство поначалу даже рекомендовало создавать кооперативы при госпредприятиях. Другим направлением деятельности кооперативов стало наполнение отечественного рынка импортными товарами по «договорным ценам».

За кооперативами последовали товарные биржи и негосударственные банки — новые институты рыночной экономики, — причем отсутствие опыта функционирования этих секторов привело к тому, что условия создания банка и биржи в СССР оказались одними из самых легких в мире, а это открыло дополнительные возможности для злоупотреблений.

Несмотря на формирование новых рыночных институтов власть пыталась сохранить государственное ценообразование на основную номенклатуру товаров и услуг, а также доминирование государственной собственности на средства производства. Результатом такой политики стало быстрое нарастание дисбалансов и дальнейшее раскручивание экономического кризиса. Демократизация вынудила из экономической системы стержень принуждения, но не создала новые механизмы ее функционирования.

Три важные особенности характеризуют развитие социально-экономической ситуации в СССР на рубеже 1980—1990-х годов: постепенное углубление экономического кризиса, быстрая «структуризация» социально-политического пространства с оформлением разнообразных групп интересов, возникновение полицентризма политической власти при быстром нарастании конкуренции между различными властными институтами за контроль над развертыванием социально-политических процессов.

Экономическая политика оказывалась равнодействующей политического противостояния. Прежде всего это нашло отражение в потере контроля за государственным бюджетом. В специфических советских условиях рассматриваемого периода началась «война за бюджет»: союзные республики отказывались перечислять налоги в союзный центр и настаивали на переходе к одноканальной системе сбора налогов при усилении их собственного контроля за расходами союзного правительства.

Еще более острой оказалась борьба за налоговую базу, то есть за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Стремясь заручиться поддержкой предприятий и опасаясь приближения дефицита бюджета к 10% ВВП, правительства СССР и России, как бы соревнуясь друг с другом, принимали решения о снижении

налогов для тех, кто будет находиться в их юрисдикции. Поступления в бюджет в реальном выражении неуклонно снижались.

В конце 1980-х годов началась «война программ» экономических реформ и выхода из кризиса. Можно вычленил три основных варианта проведения антикризисных мероприятий и осуществления рыночных реформ. Консервативный вариант («административная стабилизация») предполагал остановку и поворот вспять процессов политической демократизации, повышение уровня управляемости в советском народном хозяйстве и на этой основе проведение мер по медленному реформированию и модернизации советской экономики. Рыночно-либеральный вариант предусматривал открытое признание необходимости приватизации собственности и в той или иной форме — либерализации цен (программа «500 дней» С. Шаталина и Г. Явлинского осени 1990 года, программа Е. Гайдара осени 1991 года). Умеренный вариант, разработанный правительством СССР (председателем Совета министров СССР Н. Рыжковым и его заместителем Л. Абалкиным), предлагал набор компромиссных мероприятий. Консервативную стабилизацию намеревались реализовать лидеры государственного переворота в августе 1991 года, провал которого сделал дальнейшее движение в этой логике невозможным. Умеренный вариант больше не имел поддержки в обществе, уставшем от непоследовательных реформ 1985—1990 годов, сопровождавшихся опустошением прилавков и снижением уровня жизни. Таким образом, к осени 1991 года для практической реализации оставался возможным лишь либерально-рыночный вариант. Другой причиной выбора данного варианта было то, что после провала попытки государственного переворота в августе 1991 года государственные институты СССР оказались разрушены и у правительства остались очень слабые административные ресурсы для осуществления функций государственной власти.

2. Посткоммунистическая трансформация

Политическая и экономическая ситуация в СССР конца 1991 года была катастрофической. За год национальный доход снизился более чем на 11%, ВВП — на 13%. Внешний долг увеличился до 100 млрд долл., внутренний валютный долг — до 5,6 млрд долл., золотовалютные резервы резко сократились, а золотой запас впервые за многие десятилетия опустился ниже 300 тонн (289,6 тонн на 1 января 1992 года). Дефицит государственного бюджета достиг, по оценкам Мирового банка, 30,9% ВВП. Утрачивался контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Началось бегство от рубля, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, росли административные ограничения межрегионального товарообмена по территории страны. Предприятия не имели стимулов производить продукцию, так как на получаемые ими рубли было нечего покупать. Сельскохозяйственные предприятия остановили поставки продукции

государству: валовой сбор зерна сократился на 24%, а его государственные закупки — на 34%, причем в стране не существовало альтернативной (частной) системы снабжения населения продовольствием. К концу 1991 года запасов продовольствия в крупнейших промышленных центрах страны оставалось на 6—7 дней.

Одновременно происходил распад органов управления Советским Союзом как единым государством: экономические и политические ориентиры республик все более расходились, а попытки воссоздать союзные структуры в виде Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. В сложившихся условиях руководству России не оставалось ничего другого, кроме принятия на себя ответственности за осуществление экономических реформ, чтобы не допустить национальной катастрофы, включая опасность голода в промышленных регионах России. В союзных республиках были созданы собственные эмиссионные центры (нацбанки), готовые приступить к бесконтрольному выпуску рублей.

В этих условиях 6 ноября 1991 года было сформировано новое правительство РФ. Функции премьера взял на себя Б. Ельцин, а его заместителями стали Г. Бурбулис, Е. Гайдар и А. Шохин. Е. Гайдар стал идеологом и руководителем рыночной трансформации российской экономики. Программа посткоммунистических преобразований включала либерализацию экономики (прежде всего цен и внешнеэкономической деятельности), макроэкономическую стабилизацию (бюджетную и денежную) и приватизацию как важнейшую институциональную задачу. Предстояло полностью создать институциональную систему рыночной экономики начиная с современной налоговой системы и системы социальной поддержки наиболее бедных слоев населения.

Экономико-политические реалии начального этапа реформ сделали финансово-денежную сферу центральным звеном стабилизационных и реформаторских усилий. В принципе, для подготовки и осуществления денежно-финансовой стабилизации требуется меньше времени, чем для приватизации, демонополизации, формирования других рыночных структур, причем сама стабилизация становится базой для проведения институциональных преобразований.

Либерализация цен, осуществленная в январе 1992 года, была нацелена на решение нескольких проблем: преодоления финансовой несбалансированности в экономике; быстрой ликвидации «денежного навеса», обусловленного инфляционной денежно-кредитной политикой предыдущих лет; создания предпосылок более эффективного распределения производственных ресурсов; введения конкурентных начал в деятельности предприятий. После либерализации цен произошло быстрое наполнение потребительского рынка, товарный дефицит перестал быть вечной проблемой жизни россиян, что отразилось на поведении домашних хозяйств — резко уменьшился ажиотажный спрос, а также сократились непродуктивные затраты времени на ожидание в очередях. Последовавшая вслед за либерализацией цен либе-

рализация валютной политики, сопровождаемая введением единого курса валюты (внутренней конвертируемости рубля) летом 1992 года, привела к уменьшению импортных субсидий предприятиям.

Несмотря на усилия правительства, стабилизационная политика 1992 года оказалась сорванной. Вскоре после начала реформ стало быстро нарастать лоббистское давление на исполнительную власть с требованиями усиления финансовой поддержки различных отраслей и групп интересов. Необходимость такой поддержки обосновывалась объективными трудностями переходного периода. В результате с мая по август 1992 года было принято около двух десятков законов, указов президента и постановлений правительства о направлении на социальные цели дополнительного финансирования в сумме около 2,5% годового ВВП (по сравнению с проектом бюджета). Вопросы поддержки отечественной промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, а также преодоления кризиса неплатежей решались путем расширения объемов кредитования народного хозяйства Центральным банком. Всего за июль—сентябрь 1992 года различным отраслям народного хозяйства было выделено таких кредитов в размере около 9% годового ВВП. Кредиты выдавались на льготных условиях при ставке рефинансирования ниже инфляции, что означало бесплатную раздачу средств. Слабость политических позиций правительства делала его уязвимым перед лоббистами, в значительном числе представленными в законодательной сфере. Дефицит бюджета за первую половину 1992 года составил 6,6% ВВП и продолжал нарастать.

Длительное воспроизводство макроэкономической нестабильности было обусловлено рядом факторов, преимущественно политических и правовых. Во-первых, отсутствием современных конституционных основ взаимодействия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, подчиненностью Центрального банка парламенту. Во-вторых, коалиционным характером исполнительной власти, в состав которой входили представители различных групп давления, что приводило к произвольности и непоследовательности принимаемых решений. В-третьих, неразвитостью рыночных институтов (финансовой инфраструктуры рынка и др.). В-четвертых, неурегулированностью отношений с республиками бывшего СССР, отсутствием четких таможенных границ и сохранением на протяжении 1992—1993 годов рублевого пространства (российские власти не имели возможности в полной мере контролировать денежное предложение).

Принятие новой Конституции России (1993 год) и изменение политической системы способствовали осуществлению стабилизационного курса. Было покончено с зависимостью правительства от популистски настроенного парламента. Конституция упорядочила процедуры принятия экономических (прежде всего бюджетных) решений. Центральный банк стал независимым институтом. Постепенно происходили изменения и в поведении экономических агентов, формировалась финансовая инфраструктура, позволившая обеспечивать

неэмиссионное финансирование дефицита государственного бюджета за счет заимствований на финансовых рынках. Это сделало возможным осуществление в 1995 году денежной стабилизации. Инфляция была резко снижена (табл. 1), и ее дальнейшая динамика была поставлена в рамки «валютного коридора».

На протяжении 1990-х годов бюджетный кризис оставался неотъемлемой составляющей экономики России. Суть его заключалась в проблеме устойчивого превышения расходов государства, уровень которых сложился при социализме, над доходами и ресурсами, доступными для финансирования бюджетного дефицита. В этих условиях были возможны два направления реформирования системы государственных финансов. Первое заключалось в стабилизации доходов бюджета путем проведения налоговой реформы. Второе предполагало сокращение расходов бюджета и их реструктуризацию, для чего необходимо было провести ряд системных преобразований: военную реформу, реформы госуправления, жилищно-коммунальной сферы и др. Однако политические ограничения реализации этих и других реформ приводили к воспроизводству бюджетного дефицита: власти оказывались неспособны ни сократить бюджетные обязательства, ни получить доходы, соответствующие уровню принимаемых на себя обязательств. Особенно остро стоял вопрос о накапливающейся задолженности по поступлению налогов в федеральный бюджет, причем это была проблема преимущественно политического характера: всплески налоговых неплатежей происходили в моменты резкого ослабления власти федерального центра. С лета 1993 года и до середины 1994 года стремительно росли недоимки: с уровня примерно 6% месячного ВВП они увеличились до примерно 21%. Далее, вплоть до начала 1996 года, наблюдалась относительная стабильность доли недоимок. Однако в 1996 году падение доходов бюджета стало просто обвальным. Налоговые поступления в консолидированный бюджет снизились с 21,7% ВВП в конце 1995 года до 14,4% ВВП в январе 1996 года. В январе—июне 1996 года налоговые платежи в федеральный бюджет составили 7,7% ВВП за первое полугодие против 10,8% ВВП за первое полугодие 1995 года.

Таким образом, стабилизация оказалась неполной (непоследовательной). Власти не смогли обеспечить бездефицитность бюджета, что приводило к наращиванию государственного долга (краткосрочного внутреннего в виде ГКО-ОФЗ и долгосрочного валютного). Непосредственным результатом неспособности государства в полной мере выполнить свои обязательства стал рост задолженности бюджета перед получателями его средств, проявлявшийся в виде систематического секвестирования бюджета, а также в задержках выплаты зарплат и пенсий. Бюджетный кризис и политическая нестабильность привели к значительному росту премии за риск на рынке ГКО-ОФЗ (на начало 1996 года средняя доходность к погашению составляла 94% годовых, на 12.06.1996 г. средняя ставка рынка ГКО-ОФЗ достигла 240% годовых:

Т а б л и ц а 1

Некоторые макроэкономические показатели, 1991—2001 годы

Годы	Динамика ВВП (%)	Инфляция (%)	Ставка рефинансирования (% на дату)	Дефицит(-)/профицит(+) федерального бюджета (%)	Сальдо торгового баланса	Сальдо по счету текущих операций	Золотовалютные резервы, на конец года	Внутренний долг (млрд руб.)	Внешний долг (млрд долл.)	Безработица (%)
1991	100	160,0	20 (01.01.1991)							
1992	85,5	2500,0	80 (01.05.1992)							
1993	78,1	839,0	210 (15.10.1993)	-10	14 215	12 792				
1994	68,1	215,0	200 (01.05.1994)	-10	10 363	8291	6500			7,8
1995	65,4	131,0	200 (01.06.1995)	-5	10 672	7457	17 200			9,0
1996	63,1	21,8	120 (01.06.1996)	-8	17 087	11 725	15 324			10,0
1997	63,7	11,0	36 (01.06.1997)	-7	11 080	2032	17 784	501,0		11,2
1998	60,6	84,4	150 (01.06.1998)	-4	12 786	659	12 223	782,6	159,4	9,6
1999	63,8	36,5	55 (01.06.1999)	-1	31 845	24 731	12 456	583,6	149,3	8,9
2000	69,1	20,2	33 (01.06.2000)	2	53 961	47 294	27 972		130,3	9,9
2001	71,5	18,6	23 (01.06.2001)	2	39 338	34 620	36 622		113,5	8,7

пик доходности был достигнут на аукционе по размещению шестимесячных ГКО 13.06.1996 г. — 327,4% годовых) и к существенному увеличению расходов на обслуживание государственного долга. За период с 1.01.1994 г. по 1.01.1996 г. величина внутреннего долга, выраженная как доля ВВП, сократилась почти вдвое, составив 11,4% ВВП, однако к началу 1997 года реальная величина долга достигла 16,2% ВВП.

За этим последовали новое наращивание налоговой задолженности перед бюджетом, в том числе в виде бартеризации экономики — схемы безденежных взаимозачетов долгов между поставщиками и клиентами, а также между предприятиями и государством (казначейские обязательства, налоговые освобождения и т. д.), рост просроченной дебиторской задолженности (объем просроченной задолженности составил 191% от месячного ВВП в декабре 1995 года, 280% ВВП в первом полугодии 1996 года; в абсолютных величинах — 281,1 млрд руб. по состоянию на январь 1996 года, 552,8 млрд руб. — на январь 1997 года, 934,9 млрд руб. — на январь 1998 года). Массовое уклонение от уплаты налогов, резко увеличившееся в 1996 году, означало переход налогового кризиса в качественно иную стадию. В 1995—1996 годах возросшие масштабы уклонения от налогов и наличие многочисленных индивидуальных льгот по их уплате привели к тому, что соблюдение налогового законодательства ставило добросовестных налогоплательщиков в заведомо невыгодные условия, что подрывало возможности эффективной предпринимательской деятельности. В условиях формирования цен с учетом доминирующего уровня уклонения от налогов соблюдение налогового законодательства не обеспечивало среднего уровня прибыли. В результате происходил негативный отбор: добросовестные налогоплательщики или вытеснялись с рынка, или принимали общие правила выбивания льгот, отсрочек и просто противозаконного уклонения от налогов. В результате рост налоговых недоимок продолжился и в течение 1997 года и на конец года их объем составил 40,61% ВВП.

Правительство попадало во всё большую зависимость от держателей внутреннего долга (18,7% ВВП на 1997 год), который сконцентрировался в нескольких крупнейших банках, что позволяло последним использовать госдолг как мощный рычаг давления. Правда, в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры в 1997 году в России обозначился небольшой экономический рост (0,9% ВВП и 1,9% в промышленности), улучшились некоторые социальные показатели, среднемесячная зарплата в пересчете составила около 165 долл. Однако дальнейшие события показали, что денежная стабилизация в такой ситуации оставалась крайне неустойчивой, и ухудшение мировой конъюнктуры в конце 1997 года (Азиатский кризис) привело к финансовому кризису в России.

Одновременно с макроэкономической стабилизацией разворачивались процессы приватизации. Приватизация прошла через ряд этапов: 1991—1992 годы — подготовка концепции и нормативно-правовой

базы; 1993—1995 годы — массовая приватизация в чековой (ваучерной) форме; 1995—1996 годы — передача в частные руки крупных и потенциально привлекательных объектов через «залоговые аукционы»; с 1997 года — переход к преимущественно денежной приватизации, ориентированной на пополнение государственного бюджета и стимулирование инвестиционной активности.

Старт приватизации был дан уже после начала либерализации, однако изменение отношений собственности стало необходимым условием и для преодоления финансового кризиса. Выбор чековой (ваучерной) формы массовой приватизации был обусловлен рядом причин, в числе которых: отсутствие достаточного для приобретения недвижимости платежеспособного спроса населения; отсутствие интереса иностранных инвесторов к российской приватизации в условиях нарастающей политической и экономической нестабильности в стране; отсутствие в руках государства административного ресурса для проведения приватизации по индивидуальным схемам, вместо которых были применены типовые (стандартные) процедуры; необходимость максимально высоких темпов легального приватизационного процесса для блокирования интенсивной спонтанной приватизации (когда фактический контроль над предприятиями уже перешел к советскому директорскому корпусу, однако без принятия на себя ответственности за результаты своей хозяйственной деятельности); необходимость ограничения и отмены субсидирования предприятий со стороны госбюджета; необходимость формирования социальной базы стабилизационной политики; необходимость создания политической базы рыночной демократии.

Реализованная модель массовой приватизации (одобрена в декабре 1991 года, осуществлена в 1992—1994 годах) стала результатом компромисса разных политических сил и групп интересов. Было предложено три варианта чековой приватизации. Первый — с передачей фактического контроля менеджменту, трудовому коллективу или группе потенциальных инвесторов, причем часть пакетов акций предприятий закреплялась в государственной собственности с последующей продажей на «чековых аукционах» или, позднее, за реальные деньги. Второй вариант был уступкой популистскому большинству в законодательном корпусе, именно он оказался наиболее востребованным и одновременно привел к формированию серьезных барьеров для прихода на предприятия эффективных собственников. Основной целью массовой приватизации было быстрое распределение и закрепление формальных прав частной собственности в российском обществе при минимуме социальных конфликтов в расчете на последующие трансакции в пользу эффективных, ответственных собственников.

В 1995—1996 годы правительство пошло на передачу в частные руки ряда крупных и привлекательных объектов (преимущественно нефтедобывающих и металлургических предприятий). Высокая политическая неопределенность (связанная с ожиданием дестабилизации в России в случае победы на президентских выборах сторонников левопопулист-

ского курса) предопределяла отсутствие интереса к российским предприятиям со стороны иностранных инвесторов, что обусловило крайне низкие цены, по которым крупный российский бизнес смог приобрести эти активы. Для российской власти эта сделка имела важное политическое значение, так как обеспечила ей поддержку со стороны представителей крупного отечественного бизнеса в ходе предстоящих в 1996 году президентских выборов. И только после 1997 года начался поворот к продаже на торгах принадлежащих государству пакетов акций и целых предприятий за реальные деньги.

Отказ от реформирования расходной части бюджета, с одной стороны, и мягкая фискальная политика, с другой, вели к наращиванию государственного долга, что ставило экономическую ситуацию в тесную зависимость от конъюнктуры мировых сырьевых и финансовых рынков и от поведения внешних кредиторов. В полной мере это проявилось во время кризиса 1998 года, когда в условиях нарастания мирового финансового кризиса и падения цен на нефть правительству не удалось сохранить доверие иностранных инвесторов. Массовое бегство капиталов с российского рынка, не поддающийся обузданию рост стоимости доступных России заимствований вынудили правительство пойти одновременно на дефолт выплат по внутреннему долгу и на резкую девальвацию рубля. Дефолт означал отказ от продолжения выплат по внутреннему долгу — номинированные в рублях ценные бумаги (ГКО-ОФЗ) со сроками погашения до 31.12.1999 г. переоформлялись в новые ценные бумаги, причем курсовой риск должны были нести сами инвесторы; был объявлен 90-дневный мораторий на возврат банками кредитов нерезидентам, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг. Наконец, денежные власти перешли к плавающему курсу рубля. За 1998 год ВВП упал на 6%, инфляция составила 84%, реальные располагаемые доходы населения сократились на треть. Банковская система и финансовые рынки вступили в полосу затяжного кризиса.

В то же время удалось избежать сползания в гиперинфляцию и сохранить достижения макроэкономической стабилизации. Дефолт по внешнему долгу и обесценение в реальном выражении внутреннего долга (задолженности по заработной плате и социальным выплатам в том числе) облегчили тяжесть бюджетной проблемы. Обретение бюджетной стабильности стало результатом не сокращения обязательств бюджета, а обесценения последних. На волне всеобщего осознания остроты ситуации правительство Е. Примакова смогло проводить чрезвычайно жесткую бюджетную политику (социальные выплаты были проиндексированы только весной 1999 года, несмотря на обесценение рубля вдвое, а по валютному курсу — втрое) и добиться принятия чрезвычайно жесткого бюджета на 1999 год.

Девальвация рубля повысила конкурентоспособность российских товаров на внутреннем рынке и дала толчок импортозамещающему росту на базе имеющихся мощностей. Увеличение экспорта в усло-

виях благоприятной конъюнктуры нефтяного рынка и роста внутреннего спроса на экспортные отрасли стимулировало вторую волну роста (осень 1999 — лето 2000 года). В результате уже в 1999 году был восстановлен наметившийся накануне кризиса экономический рост: в 1999 году ВВП увеличился на 5,2%, в 2000 году — на 8,3%; инвестиции возросли соответственно на 5 и 17,5%; к концу 2000 года показатели уровня жизни почти достигли докризисных.

3. Характер и итоги первого посткоммунистического десятилетия

Анализ логики и направлений движения российской социально-экономической системы в 1980—1990-х годах позволяет выделить четыре масштабных исторических вызова, которые встали перед Россией в тот период, и соответственно четыре различных, хотя и тесно переплетенных между собой, трансформационных процесса.

Во-первых, страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи. Выход за рамки индустриального общества сопровождается тяжелыми структурным и макроэкономическим кризисами, через которые прошли страны Запада в 1970-е годы. СССР за счет благоприятной для него внешнеэкономической конъюнктуры смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем более болезненной она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной. Структурный кризис советской хозяйственной системы, который в полной мере проявился в масштабном спаде уже российской экономики, стал проявлением тех же процессов, которые применительно к западным странам 1970-х годов описывались термином «стагфляция»¹.

На протяжении 1990-х годов проходили острые дискуссии относительно характера структурной трансформации российской экономики. Падение ряда традиционных секторов индустриальной экономики характеризовалось некоторыми авторами как деиндустриализация, хотя более глубокий анализ протекающих процессов позволял увидеть в происходящих структурных сдвигах и ростки новой, постиндустриальной структуры (см. табл. 1). Бурно росли отрасли телекоммуникаций и связи, электронная промышленность² (после 1998 года более чем на $\frac{1}{3}$ ежегодно). Прогрессивные сдвиги происходили в структуре выпускаемой продукции химической промышленности и металлургии.

¹ Характеристика российского кризиса как кризиса индустриального общества содержится в работах некоторых исследователей (см.: *Bauman Z. A Post-Modern Revolution? // From a One-Party State to Democracy. Amsterdam: Rodopi, 1993; Rosser J.B., Rosser M.V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collaps of Soviet-Block Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. No 2).*

² За 1990-е годы электронная промышленность освоила порядка 700 новых изделий, отечающих мировому уровню, а также 800 видов товаров народного потребления. Рост производства составил в 1999 году 46%, а в 2000 году — 37,7%. Значительно возрос экспорт электронной продукции, составляя 70—80 млн долл. в год, преимущественно в страны дальнего зарубежья (см.: *Смирнов В. Большие перспективы микротехнологий и схем // Красная звезда. 2001. 17 марта; Смирнов В. Российская электроника — богат и бедняк // Российская газета. 2001. 17 апреля).*

Показатели социально-экономического развития, 1990-е годы
(1991 год = 100%, если не указано иное)

	1992	1998	1999	2000
<i>Образование</i>				
Число вузов	103,3	176,1	180,8	183,5
Численность студентов в вузах	95,5	130,3	147,5	171,7
Выпущено специалистов из вузов	104,4	123,0	136,3	155,9
Численность профессорско-преподавательского состава	109,1*	113,6	116,5	
<i>Производство</i>				
Видеокассеты	107,7	1157,0	944	
Доля производства прогрессивных лакокрасочных материалов	72,0	82,0	85	
Доля электростали и кислородно-конвертерной стали в общем объеме выплавки стали (%)	50,0	72,0	72,0	72,6
Доля стали, полученной с машин непрерывного литья (%)	28,0	52,0	50,0	49,7
Производство цветных металлов	99,4	111,4	117,0	120,6
<i>Транспорт</i>				
Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на 1000 человек населения)	107,9	192,1	201,7	
Автомобильных дорог с твердым покрытием (на 1000 кв. км территории)	103,3	111,1	111,3	
<i>Связь</i>				
Число телефонных аппаратов сети общего пользования	101,6	123,8	130,7	135,7
Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами (на 100 семей)	105,0	137,6	147,6	
Протяженность междугородных телефонных каналов	106,3	252,8	351,1	
Доля протяженности цифровых каналов в общей протяженности междугородных телефонных каналов (%)	1,5	56,9	69,1	
Число зарегистрированных факсов	206,2	1706**		
Число пейджеров	100,0	3838,0	4118,0	
Сотовых телефонов	100,0	12 695,0	23 600,0	

* 1993.

** 1997.

Источник: Госкомстат РФ.

Заметно увеличилось количество организаций образования, число вовлеченных в вузовское и послевузовское образование. Разумеется, тенденция эта не являлась абсолютно доминирующей, и ее укрепление в значительной мере зависело от эффективности экономической политики, от способности правительства содействовать развитию благоприятных сдвигов.

Во-вторых, в российском обществе протекали процессы собственно посткоммунистической трансформации. Это был поистине уникальный эксперимент. Никогда ранее в мировой (в том числе

в экономической) истории не осуществлялся переход от тотально огосударственной экономики к рыночной. Естественно, наиболее сложным процессом здесь являлась трансформация собственности — приватизация в национальных масштабах. Однако этот переход не являлся чем-то специфическим для России. Одновременно с ней посткоммунистические преобразования осуществляли еще примерно 25 государств, причем Россия не была первопроходцем: ряд стран начали этот переход на два-три года раньше, что давало постсоветским республикам определенный, хотя и не очень богатый, опыт.

В-третьих, Россия столкнулась с масштабным макроэкономическим кризисом, ставшим результатом популистской экономической политики (начиная со второй половины 1980-х годов), что привело к развалу бюджетной и денежной систем, к исключительно высоким темпам инфляции, к падению производства. Впрочем, макроэкономический кризис и пути борьбы с ним были уже хорошо изучены к концу XX столетия. В послевоенный период схожие проблемы приходилось решать многим странам Европы, Азии и Латинской Америки, да и сама Россия имела определенный позитивный опыт преодоления макроэкономического кризиса (в 1922—1923 годах).

Наконец, *в-четвертых*, экономико-политические, макроэкономические и структурные преобразования, с которыми столкнулась Россия на рубеже 1980—1990-х годов, осуществлялись в условиях полномасштабной социальной революции. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в условиях слабого государства, что и представляет собой сущностную характеристику революции³. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты государственной власти, и их восстановление было, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что приводило к гораздо более медленным темпам преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран. Революционный тип преобразований был уникален среди стран, осуществлявших посткоммунистический переход, однако он также не был абсолютно нов в европейской истории.

Таким образом, развитие России 1990-х годов было действительно весьма специфично. Однако специфика эта предопределялась не столько факторами культурно-исторического характера, сколько самим фактом одновременного протекания четырех обозначенных выше процессов. Каждый из этих процессов отдельно взятый не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время. Именно их пере-

³ Подробную характеристику этого вывода см.: *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. С. 313—317.

плетение создавало те своеобразные процессы, которые обуславливали специфику российской трансформации и ставили в тупик многих исследователей посткоммунизма.

К концу 1990-х годов обозначилось завершение по крайней мере трех из четырех трансформационных процессов.

Прежде всего *была проведена макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным по продолжительности (около десяти лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализация, бюджетная и денежная стабилизация), и ее успешное завершение сформировало основу для восстановления экономического роста.

Разумеется, решение задач стабилизации не является окончательным. Экономическая система не застрахована от ошибок власти, от ее неадекватных и популистских решений. В 1999—2001 годах власть прошла через серьезное испытание — испытание благоприятной ценовой конъюнктурой на товары российского экспорта.

Были завершены *процессы революционной трансформации*. Произошло восстановление государственной власти, макроэкономическая стабилизация оказалась синхронизирована со стабилизацией политической (как это и должно быть в условиях полномасштабной революции). Уже анализ предвыборных программ политических партий конца 1999 года показывал сближение базовых ориентиров основных политических сил⁴. Возникла некоторая система базовых ценностей, которые больше не были предметом политического противостояния. В частности, никто не ставил под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации останутся противоречивыми надолго, если не навсегда); никто не выступал с требованиями отказа от сдержанной денежной и бюджетной политики (еще недавно многие считали вполне допустимым инфляционное финансирование бюджетного дефицита); все (даже левые) поддерживали снижение налогов (хотя далеко не все смогли поддержать плоскую шкалу НДФЛ). Конечно, практические рекомендации политических сил оставались далекими от единства, но различия эти уже были не настолько глубоки, чтобы вести к разрушению политической стабильности. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность являлась важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса⁵.

⁴ Российская экономика в 1999 году: Тенденции и перспективы. М.: ИЭПП, 2000. С. 313—319; *Дмитриев М.* Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков // Вопросы экономики. 2000. № 1.

⁵ Высокая инфляция является не только экономическим, но и политическим индикатором. Действительно, неспособность государственной власти обеспечить набор мер макроэкономической стабилизации есть результат ее слабости, зависимости от баланса различных групп интересов, заинтересованных в слабой денежной и бюджетной политике. Именно поэтому макроэкономическая стабилизация возможна лишь при укреплении политических институтов, то есть представляет собой один из важнейших критериев политической стабилизации.

В 2000 году можно было говорить и о решении *задач посткоммунистической трансформации*. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим (не следует путать его с авторитарным), абсолютное господство государственной собственности в экономике, а также товарный дефицит в качестве сущностной черты экономической и политической жизни⁶. К концу 1990-х годов все эти три характеристики коммунизма в России были преодолены. Это не означает, разумеется, что был полностью преодолен кризис, с которым страна вступила в 1990-е годы. Однако тяжелые структурные, экономические и политические проблемы, которые продолжали стоять перед Россией, делая ее очень уязвимой перед угрозой внешних шоков, уже не были, строго говоря, наследием коммунистической системы. Все это — результаты новейшего развития, с одной стороны, и кризиса индустриальной системы, с другой.

Словом, доминирующими социально-экономическими проблемами современной России являются две: кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества. Именно в этом состоит суть современной российской модернизации, включая модернизацию политическую, экономическую, социальную и технологическую. Этот процесс предопределяет вызовы, которые стояли перед страной после завершения посткоммунистической трансформации и еще долго останутся актуальными для российской повестки дня.

⁶ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита была показана еще в первые годы практического осуществления коммунистического эксперимента (см.: *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. 1922. № 1—3; *Новожилов В.В.* Недостаток товаров // *Вестник финансов*. 1926. № 2). Любопытно, что это было фактически признано И. Сталиным. В «*Экономических основах социализма в СССР*» в качестве одного из фундаментальных законов построенного под его руководством общества называется «закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997).